

СОЦИАЛЬНАЯ МЫСЛЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

П.А. Сорокин

Реконструкция человечества

ЧАСТЬ I

Шарлатанские способы лечения войны
и беспочвенные планы достижения мира

Глава 1

Политические рецепты исцеления¹

Демократия • Объединенные Нации • Мировое правительство

1. Демократия

Среди наиболее распространенных проектов прекращения всяких войн и установления прочного мира особенно популярны политические предписания, предлагаемые целым легионом общественных врачей-врачевателей. Главным ингредиентом всех подобных рецептов является утверждение, согласно которому мир может быть гарантирован, а общество избавлено от войн благодаря изменению политических условий. Между ними, конечно, существуют отдельные различия, но они касаются вещей лишь второстепенных. Одни доктора добавляют монархический, другие — республиканский элемент. Кто-то предпочитает оттенок автократического, фашистского или тоталитарного режима, кто-то склоняется к демократии. Некоторые верят, что выход — в существовании множества небольших государств, другие видят его в образовании немногих больших. Автократические, монархические, фашистские и тоталитарные варианты решения проблемы в настоящее вре-

мя непопулярны, поэтому нет особой необходимости в их рассмотрении. Вместо этого обратимся к анализу тех мер лечения, с которыми согласны тысячи лидеров и миллионы простых людей.

Среди них наиболее популярна идея демократии. Великое множество государственных деятелей, ученых, бизнесменов, священников и обыкновенных мужчин и женщин убеждены в том, что *республиканская и демократическая система правления гарантирует мир и устраняет войну*. Эта вера существует во множестве вариантов. Еще во время первой мировой войны подразумевалось, что ее участники сражаются за то, чтобы навсегда избавить человечество от войн и создать подлинно демократическое общество. Демократическая идея была главным девизом второй мировой войны, в которой формула “демократические и миролюбивые нации” отождествлялась с миром и демократией. Она же лежит в основе политики “демократического перевоспитания” немцев и японцев как лучшая гарантия их будущего миролюбия. Она используется как оправдание жертв в миллионы жизней, принесенных в этих войнах. Она является причиной учреждения Организации Объединенных Наций и обоснованием внешней политики демократических стран.

Нет сомнения, что подлинная и зрелая демократия действительно предлагает могущественное лекарство от многих социальных потрясений. Она предотвращает различные социальные инфекции, стимулирует многие жизненно важные процессы, способствует увеличению умственного, морального и физического здоровья общества. Однако она не исцеляет все болезни и не является стимулятором всех жизненно важных процессов. Кроме того, если демократия поражается ядовитыми элементами, ее благотворное, оздоравливающее воздействие по большей части утрачивается.

Большинство реально существовавших демократий в действительности не были таковыми в подлинном смысле этого слова. Начиная с афинской и кончая нидерландской, английской, французской и даже американской демократией (до отмены там рабства), каждая из этих систем была, в конечном счете, олигархией небольшого круга лиц, возвышавшейся над огромными пластами рабов, крепостных, эксплуатируемых, лишенных гражданских прав и автократически управляемых колониальных илотов. Какие-то 20 тысяч афинян составляли олигархическое меньшинство, которое

подчинило себе несколько тысяч несвободных и полусвободных граждан, лишенных практически всех политических и большинства гражданских прав. Каких-нибудь 30 или 40 миллионов англичан сформировались в олигархию, навязанную приблизительно 300 миллионам бесправных, колонизированных ими народов. То же самое относится и к 6 миллионам голландцев в сравнении с 60 миллионами колониальных, полукрепостных народов и т. п. Точно так же и другие исторические формы демократии были искаженными ее вариантами благодаря влиянию множества элементов, не имеющих ничего общего с подлинной демократией.

Если к этому добавить, что даже самое лучшее лекарство не является средством от всех болезней, то становится понятно, почему так называемые демократические режимы столь слабо влияли на сдерживание войн и сохранение мира. Длинный перечень достоверных фактов показывает, что республиканские и демократические страны были не менее воинственными и не более миролюбивыми, чем монархические и автократические.

Если мы сравним воинственность тех или иных народов в плане их исторического прошлого, то увидим, что такие сравнительно демократические страны, как Древняя Греция, Англия, Франция, Нидерланды и США вели войны, в среднем, в течение 57, 56, 50, 44 и 49 лет (включая главные войны с индейцами) соответственно, в каждые 100 лет их истории. С другой стороны, относительно автократические — Древний Рим, Германия, Россия, Италия, Испания и Австрия воевали, соответственно, 41, 28, 46, 36, 67 и 40 лет в течение каждых 100 лет². Во всяком случае, частота, с которой вели войны страны с демократическими режимами, вместе взятые, несколько выше.

О правильности сделанного нами вывода свидетельствуют и другие данные. С 1480 по 1940 г. было около 2 600 важных сражений. Англия участвовала в 22% от их общего числа, Франция — в 47%, Нидерланды — 8%, Россия — 22%, Германия (Пруссия) — 25%, Австро-Венгрия — 34%, Турция — 15%, Испания — 12%. Эти цифры также не дают оснований считать демократическую форму общественного устройства более миролюбивой.

Более того, до 1914 г. XX столетие для Европы и других стран Запада казалось гораздо более демократичным, чем предыдущие. В то же время, это самое демократическое столетие оказалось наиболее кровавым из всех 25 веков Западной истории.

Далее, переходя от автократии средних веков ко все более возрастающей демократии современности, мы в то же время переходим от небольших профессиональных армий средневековья ко все более многочисленным, универсально оснащенным национальным армиям современности, и от маленьких войн типа “спорта королей” к “тотальным” войнам, вовлекающим миллионы людей, на деле практически все гражданское население. По мере демократизации человечества число войн не только не сокращалось, но и росло, при этом увеличивались их масштабы, разрушительность, научно-техническое обеспечение и жестокость.

Можно привести длинный перечень фактов, не оставляющий никаких сомнений в том, что миролюбие демократических режимов, по сравнению с режимами автократическими, не более чем миф, полностью опровергаемый действительностью. После победы демократических стран в первой мировой войне Англия, Франция, США и Бельгия потерпели сокрушительное поражение при попытке истребить войны или хотя бы сократить их частоту. Версальский договор и объединенные усилия союзников после войны не привели к веку сравнительного мира, как это было в случае с Венским конгрессом, созванным автократической Россией, Францией, Австрией и Англией в 1815 г. Послевоенное доминирование демократических стран дало только короткий безвоенный период с 1918 по 1939 г. и закончилось самым страшным во всей человеческой истории взрывом. Те же причины объясняют, почему и в настоящее время, после победы демократического блока наций, мы не наслаждаемся подлинным миром. Только каких-то два года, как закончились военные действия, а в воздухе уже витают военные настроения. Лихорадочная гонка в создании самого разрушительного оружия уже началась, и ее сопровождают война дипломатическая, взаимные запугивания и экономические осложнения.

Все это означает, что зараженная демократия не является надежным средством от войн! “Демократическое лекарство от войны” — шарлатанское средство, а доктора, которые уверенно его прописывают — не более чем невежды, какими бы великими ни были их заслуги в других областях.

Все эти выводы подтверждаются анализом *гражданских войн и внутренних беспорядков*. Систематическое изучение важнейших гражданских войн, революций, бунтов в истории античной Греции, Рима и восьми западноевропейских стран более позднего периода, начиная с 600 г. до н. э.

и кончая 1925 г., показывает, что *периоды демократического правления в демократических странах были не менее бурными, тревожными и кровавыми, чем автократические*. Распространенная вера, что демократия — хорошее средство против внутренней анархии, что она гарантирует упорядоченный, правовой процесс социальных изменений, что демократические революции не так ужасны и разрушительны, как “при” автократических режимах, вновь оказывается ничем иным как мифом, резко противоречащим реальным фактам.

С 600 г. до н. э. до 1925 г. в истории названных выше народов было около 1 623 важных потрясений (малых и больших гражданских войн). Их частота, масштабы и разрушительность были не меньшими в демократических странах и в периоды демократии, чем в странах автократических и в периоды автократического правления. В таких сравнительно демократических странах, как Древняя Греция, Франция, Англия и Нидерланды, одно важное событие подобного рода случалось, в среднем, каждые 5.4; 8.1; 7.9; 12.1 лет, соответственно. Аналогичные данные для автократических стран, таких, как Рим, Византия, Германия и Австрия, Россия, Испания — соответственно — 5.8; 17.5; 7.5; 5.9; 6.1 лет. В этом отношении между ними не заметно ощутимого различия.

Наконец, IV в. до н. э. был наиболее бурным в истории Греции. В то же время, это был, скорее всего, наиболее демократический период ее развития. В Риме наиболее напряженным оказывается I в. до н. э., но он был так же мало демократичен, как и любой другой период его истории. Для Европы — это (по мере убывания напряженности) — XX в., вторая половина XVIII и первая половина XIX в., XIII и XIV вв.; из них XIII и XIV вв. были более демократичны, чем предыдущие столетия, XVIII и XIX вв. — более демократичны, чем период с XV по XVII в., а до 1914 г. XX в. был самым демократичным в сравнении с каким-либо другим периодом европейской истории.

Таким образом, совокупность фактов отчетливо демонстрирует, что *нет тесной причинной взаимозависимости между войнами межнациональными и гражданскими, с одной стороны, и автократическими или демократическими, монархическими или республиканскими политическими режимами — с другой*.

II. Объединенные Нации

Другим ныне модным средством политического исцеления от войн является *Организация Объединенных Наций*. В течение последних нескольких лет вера в эффективность этого средства быстро росла, и в настоящее время, по мнению миллионов, ООН — это единственная гарантия предотвращения войны и единственная надежда на обеспечение прочного мира. Сотни общественных организаций, посвятивших свою деятельность идее “Единого Мира” и “Мировой Федерации”, лихорадочно активны и в произнесении речей, и в печатной пропаганде. Миллионы долларов тратятся на эти “средства”. Сотни шарлатанов наживаются на эпидемии доверчивости. Казалось бы, человечество снова нашло “вернейшее лекарство от войны”.

Однако этот, может быть, и достойный похвалы энтузиазм, скоро иссякнет и приведет к новому разочарованию. Лига Наций тоже начинала свою деятельность в атмосфере высочайших надежд и величайших ожиданий. Тем не менее, после каких-то двадцати лет бесславного существования она скончалась от собственного бессилия, и вскоре была предана забвению. Слишком мало оснований для веры, что ООН ждет лучшая доля. Во всяком случае, ее внутренняя организация еще более ущербна, чем та, которая существовала в Лиге Наций, а социальная обстановка еще менее благоприятна для ее развития, чем существовавшая во времена создания Женевского института.

Организация Объединенных Наций насквозь заражена *метастазами внутренних противоречий*. С одной стороны, она основана на принципе равенства всех наций, а с другой — великие державы и юридически и фактически неравны с малыми. Она вполне демократична, когда предоставляет равное право голоса всем нациям, и она в высшей степени недемократична, когда приравнивает голос одного кубинца или ирландца к голосам 20—40 американцев, русских или китайцев. Ее большинство голосов, с точки зрения числа стран, голосующих за какое-либо предложение, часто оборачивается меньшинством, если его соотнести с количеством граждан, представленных таким большинством. Малые страны требуют равного статуса с великими державами в отношении прав и привилегий; но они настаивают на резком неравенстве, коль скоро речь заходит об экономических, военных и других обременительных для них обязанностях. ООН опирается на принцип

консенсуса великих держав и одновременно использует принцип большинства и меньшинства голосов, который предотвращает подобное единодушие. Даже ее политика решения проблем большинством голосов находится в вопиющем противоречии с правом вето, посредством которого одна великая держава может сделать недействительным решение большинства.

Столь же внутренне противоречива и организация ее голосующих блоков, в ней нет какого-либо последовательного принципа. Так, блок латиноамериканских и арабских государств имеет половину всех голосов ООН, хотя он и представляет лишь малую часть всего человечества. Весьма неравные между собой малые страны и некоторые большие, такие, как США, Китай, имеют каждая только по одному голосу, тогда как Британское Содружество наций и Советская Россия — соответственно 6 и 3 голоса. В соответствии с этими своеобразными особенностями организации голосующих блоков, большинство голосов в ООН оказывается крайне шатким с точки зрения моральной, юридической и социальной значимости. Такая бессистемная организация открывает благоприятную возможность для перерождения ООН в простую ширму для циничной силовой политики того или иного блока наций, представляющих только лишь малую часть человечества.

Опять же, считается, что ООН — представительница человечества в целом. Имеется в виду, что каждый индивидуальный ее член должен голосовать и действовать во имя благоденствия всего рода человеческого, а не в интересах какой-то отдельной клики. В действительности, ее члены, в первую очередь, являются представителями своих государств, им даны обязательные инструкции, по которым они должны защищать узкие государственные интересы безотносительно к тому, совпадают они с интересами всего человечества или хотя бы большей его части, или противоречат им.

ООН внутренне противоречива и с точки зрения определения ее полномочий и функций. С одной стороны, это — не более, чем разновидность “консультативного совета” суверенных государств. Ее решения не являются обязательными для того или иного государства, так же, как они не могут быть ему навязаны в периоды его военной или политической слабости. ООН не располагает даже “экстерриториальным клочком земли”, на котором она может распоряжаться своими собственными сооружениями-

ми и иметь свой персонал. Она целиком зависит от великодушия и щедрости государств-членов, которые, как предполагается, подчиняются ей и контролируются ею. С другой стороны, подразумевается, что ООН — не просто дискуссионный форум, решения и выводы которого ни к чему не обязывают стран-участниц. И так, это и не дискуссионный клуб, но и не орган мирового правительства, принимающего законы и требующего их исполнения.

Даже как “высший трибунал человеческой совести” ООН — абортированное дитя. Имея дело только с представительством государств, она обречена на провал даже в этой своей функции, поскольку из всех социальных групп — религиозных, моральных, научных, экономических и т. п. — государственная, политическая группа — наиболее циничная и макиавеллистски настроенная. Государственные интересы она защищает в силовой манере и руководствуется правилом, по которому правота — в силе. Ее представители, когда они действуют не как частные лица, а как дипломаты, министры, управляющие делами, генералы, адмиралы и другие государственные чины, являются собой образцы вероломных, циничных политиканов. Сколь бы благородны и моральны они ни были в своих частных проявлениях, когда их созывают как представителей государств, их знамена неизбежно падают до этого уровня. Впрочем, даже как механизм силовой политики ООН оказывается совершенно бессильной.

Повторяю, и в этих, и во многих других отношениях ООН все более и более запутывается во внутренних противоречиях. Это — дом, полный разногласий. Ни одна организация, страдающая такими внутренними изъянами, не могла бы функционировать успешно. С этой точки зрения, даже Лига Наций была организована лучше, чем ООН.

Более того, *социальные и культурные условия, в которых существует ООН, едва ли более благоприятны для развития, чем существовавшие во времена Женевского института.* Как будет показано далее, начиная с 1918 г. процесс дезинтеграции почти всех главных человеческих ценностей — моральных, религиозных, экономических и политических — скорее возрастал, чем сокращался. Все моральные и правовые нормы человеческого поведения, начиная с Нагорной проповеди и кончая юридическими и чисто утилитарными нормами викторианской благопристойности, сегодня воспринимаются как еще более сомнительные и “релятивные”, чем это было в период с 1914 по 1918 г. Их свя-

зующая и контролирующая сила сейчас еще менее эффективна, чем тогда. Межиндивидуальные, межгрупповые и международные соглашения (брачные узы, административно-трудовые контракты, торжественно заключаемые международные договоры) на протяжении последних лет гораздо чаще нарушались индивидами, группами и властями, чем это было в течение всего девятнадцатого и в начале двадцатого века. В 1914 г. весь мир был потрясен договором, гарантирующим нейтралитет Бельгии, который на деле оказался простым “клочком бумаги”. Благодаря постоянным нарушениям соглашений практически всеми правительствами в период с 1918 по 1947 г., мы оказались настолько приученными к этому ненормальному явлению, что даже стали считать его вполне нормальным. Частота, с которой нарушаются контракты между рабочими и управляющими, растет столь стремительно, что мы уже не испытываем потрясений от этого процесса; а процесс распада официальных браков, либо в результате развода, либо через оставление семьи одним из партнеров, становится таким обычным явлением, что теряет ореол скандальности. Аналогичным образом обстоит дело и со всеми другими нормами, ценностями и договорами.

Если все они теряют свою связующую силу и контролирующее могущество, если ими все более пренебрегают и если все мы становимся обманщиками, то ни одно соглашение, достигнутое ООН, ни один заключенный ею договор в действительности не сможет соединить различные стороны. Договоры будут расторгаться всякий раз, как только это кому-то покажется выгодным. И если, как это следует из взаимных обвинений союзников, недавние Тегеранское, Ялтинское, Потсдамское и Московское соглашения нарушаются вчерашними товарищами по оружию, если Атлантический Устав отвергнут и забыт подписавшими его сторонами, на каком основании могли бы мы верить, что полуплатонические декларации ООН (или, скорее, “Организации Разъединенных Наций”) будут вызывать больше уважения?

ООН едва ли может процветать в такой нездоровой атмосфере. Как высший трибунал моральной совести человечества она не может функционировать успешно из-за дефектов собственной организации; ей трудно выступать в качестве моральной силы в сегодняшнем аморальном и циничном мире. Как механизм власти, она не в состоянии работать эффективно ввиду того, что лишена необходимой

для этого власти. Будучи зараженной многочисленными противоречиями, она не способна использовать силу стран, уже достигших взаимных соглашений; она даже не в силах воспользоваться эгоистическим правилом: “грабь и не мешай грабить другим”, которому следуют отнюдь не святые дипломаты Священного союза и Венского конгресса.

Эти внутренние и внешние дефекты свидетельствуют о том, что ООН уже обнаружила в своей деятельности не только все слабости Лиги Наций, но и многие сверх того. В частности, полную неспособность разрешить хоть какой-либо серьезный конфликт между великими державами. И великие, и малые, — все игнорируют ее в отношении большинства важных проблем. Даже тогда, когда ей предлагается рассмотреть такие вопросы, как передача Тихоокеанских островов или аннексия Юго-Западной Африки Южно-Африканским Союзом, прямо заявляется, что безотносительно к решениям ООН, эти территории будут аннексированы в любом случае. Это без лишних слов говорит о сверхпрезрительном отношении к ООН, и нет необходимости в каком-либо другом доказательстве ее бессилия.

Следовательно, ООН уже потеряла тот моральный престиж, которым довольствовалась в момент создания. “Случайное” большинство ее Совета Безопасности не в состоянии воспрепятствовать соблазну злоупотребления позицией большинства для преследования собственных интересов. Переноса рассмотрение русско-персидского конфликта, отказываясь обсуждать англо-персидский конфликт и решать кровавый британо-голландско-франко-индонезийский спор, выставляя напоказ и осуждая курс славянского блока стран, и замалчивая гораздо более автократическую, империалистическую и колониальную политику больших и малых колониальных империй (англо-американскую — на Среднем и Дальнем Востоке, политику в отношении Греции, Палестины, Египта и французского Индокитая и т. п.) — из-за этих и многих других подобных им странностей, ООН вырождается в простую ширму для силовой политики большинства, имеющего искусственный и случайный характер. Несмотря на свое краткое существование, ООН уже больна фатальной болезнью Лиги Наций, которая была ширмой, скрывающей собственные интересы Франции и Британии.

В результате такой односторонней деятельности моральный престиж ООН значительно понизился. Если она будет продолжать действовать в том же направлении (а у нас нет

гарантий, что это будет не так), он упадет еще ниже. Не имея ни морального авторитета, ни соответствующей реальной физической власти, она не может явить нам чудо исчезновения войны и сотворения храма вечного мира. Корни ее неудач лежат глубоко в недрах современного общества и культуры. Будучи однорукой, она не может радикально изменить мир. В модифицированной форме и как часть более широкой системы социальных, культурных и личностных перемен, эта организация может сыграть важную роль в реализации своей великой миссии. В противном случае, ей суждено будет повторить судьбу родившейся под несчастливой звездой Лиги Наций!

III. Мировое правительство

Его идея становится все более популярной не только среди политических лидеров, но и обыкновенных людей. Возрастание числа ее сторонников — показатель того, что создание *мирового правительства* представляется наиболее эффективным средством исцеления человечества от войн и самым прямым путем к установлению прочного мира. В основе предлагаемого плана — два фундаментальных принципа: создание настоящего мирового правительства и устранение национального суверенитета существующих государств. Этот план лишен многих противоречий, с которыми столкнулась Организация Объединенных Наций. С его помощью, если он действительно будет реализован, можно достичь значительно большего, чем это удалось ООН. Создание некоей разновидности мирового правительства совершенно необходимо как часть широкого ансамбля социальных и культурных изменений, посредством которых человечество может быть избавлено от войн. Однако взятое само по себе, без других реформ, оно оказалось бы столь же неэффективным средством, как и демократия, и Организация Объединенных Наций.

В настоящее время, как, впрочем, и в ближайшем будущем, такая организация едва ли может быть создана. Дело в том, что почти все защитники идеи мирового правительства настаивают на каких-то своих особых условиях. Суть этих условий сводится к тому, чтобы обеспечить доминирующее положение собственной нации, всячески содействовать ее экономическим, политическим и прочим интересам за счет ущемления интересов других. Все американские ее сторонники прямо или косвенно утверждают, что

США должны играть главную роль в такой организации, более того, образец правительства США должен стать формой мирового правительства вообще. Они отвергают принцип пропорционального представительства, при котором учитывается число граждан, проживающих на территории того или иного государства, на том основании, что при таком подходе Индия, Китай, Россия и другие азиатские страны будут иметь большее число представителей, чем США. По этим же причинам они отвергают любую другую форму представительства в правительство “Единого Мира”, если она не обеспечивает США ведущую роль. Они с изрядной долей напыщенности предлагают такие условия, которые гарантировали бы США эту роль, несколько не заботясь о том, что некоторые из них нарушают сами принципы демократизма.

Ту же позицию занимают сторонники “Единого Мира” и в других странах. Они — “рьяные и непредубежденные интернационалисты”, коль скоро принимается их собственный образец мирового правительства. Если же он не признается, они становятся столь же рьяными националистами. Иными словами, большая часть движения за “Единый Мир” представляет собой замаскированный империализм наций и групп, направленный на защиту собственных экономических, политических и культурных интересов отдельных стран, не желающих приносить какие-то жертвы в интересах создания подлинного мирового правительства. Их позиция аналогична позиции Сената США в его резолюции, выражающей готовность подчиниться решению Мирового Суда по любому вопросу за исключением тех, которые рассматриваются как сугубо внутренние.

Эти факторы устраняют саму возможность *свободной* реализации движения за мировое правительство. Все нации и группы, которые могут что-либо потерять в процессе осуществления этого плана, будут сопротивляться его воплощению. Конечно, вполне допустимо, что господствующие, великие державы могут оказать давление и *вынудить их подчиниться* общему решению. Однако такое принуждение было бы равноценно покорению слабых наций более сильными. Оно уничтожило бы главную цель и безусловную ценность мирового правительства как инструмента мира и свободы. При таких условиях мировое правительство обернулось бы разновидностью мировой тирании, которая являла бы собой самый страшный тип тирании из всех, когда-либо существовавших в истории человечества.

Исходя из существующих социальных и культурных условий, учитывая эгоизм современных индивидов и групп, едва ли возможно свободно, без какого-либо насилия, образовать настоящее мировое правительство. Нации и группы, которым есть что терять при его создании, отвергнут его. Если их будут принуждать, мировое правительство окажется тиранией сильных групп над слабыми. Такая ситуация приведет к непрекращающимся войнам. И как следствие, этот совершенный в своем замысле план окажется полностью проваленным.

Кроме того, в нем самом обнаруживаются серьезные недостатки. Самый главный из них — убежденность в том, что причиной возникновения войн является существование множества суверенных государств, и стоит лишь устранить их суверенитет и создать мировое правительство, как будет гарантирован длительный и прочный мир. Это очень старая точка зрения, она была высказана много раз. Совсем недавно ее повторил Ривс и был поддержан целой плеядой блестящих авторитетов. Он утверждает, что войны между группами людей, образующими социальные общности, всегда имеют место там, где эти общности — племена, династии, церкви, города, нации — имеют неограниченную суверенную власть. Войны между ними прекращаются в тот момент, когда они объединяются в более широкие общности.

Несмотря на категоричность, с которой сформулированы эти “законы” и количество авторитетов, их поддерживающих, они оказываются совершенно ошибочными. В период с 500 г. до н. э. вплоть до 1925 г. в истории Греции, Рима и более поздних европейских государств произошло 967 межнациональных войн. В тот же период в истории тех же стран отмечалось около 1 623 войн гражданских, т. е. войн, проводимых внутри границ данного независимого государства. Гражданские войны в большей своей части были столь же разрушительными, как и крупномасштабные межнациональные войны. Это означает, что, вступая в противоречие с “законами” Ривса, войны ведутся не только между суверенными государствами или другими суверенными группами, но гораздо чаще между несuverенными частями одного и того же государства или группы. В связи с этим, простая отмена суверенитета государств не сможет уничтожить гражданские войны. Чисто внешнее объединение всего человечества под эгидой мирового правительства означало бы замену войн “интернациональных” войнами “гражданскими” без общего сокращения их числа,

частоты, разрушительности, жестокости и бесчеловечности. Кроме того, такая замена, по всей видимости, привела бы даже к увеличению их частоты и, в особенности, к усилению жестокости. Многие исторические факты подтверждают, что гражданские войны всегда были более бесчеловечными. Иными словами, такое объединение оказалось бы весьма сомнительным лекарством от войны.

Провозглашенные Ривсом “законы” опровергаются и многими другими фактами. Если бы его “законы” были верны, мы могли бы констатировать, что с подчинением множества суверенных государств и различных групп обширным империям Чингисхана или Тимура, Александра Великого, Наполеона или Гитлера, войны прекращались бы в связи с сокращением числа суверенных образований. Как показывают факты, этого не происходило, напротив, войны учащались. Наоборот, периоды, отмеченные увеличением количества суверенных государств, должны были бы, согласно Ривсу, сопровождаться интенсификацией войн. И опять факты обнаруживают другое: в средние века отмечался достаточно низкий уровень войн, а между тем число государств, существовавших на территории Европы, было значительно большим, чем после XV в.; в период с 1815 по 1914 г. заметно сокращение числа воюющих сторон, хотя в этот период образовалось много новых суверенных государств (Греция, Болгария, Сербия, Румыния, Бельгия, Люксембург, Норвегия, Чили, Боливия, Перу, Эквадор, Бразилия и большинство других латиноамериканских государств).

Более того, объединение многих суверенных групп в единую империю, типа Римской, иногда приводит к временному *Pax Romana*³, сопровождаемому общим сокращением числа межнациональных войн. Но в то же время, вследствие такого объединения, возрастает число войн гражданских, проводимых между различными насильственно объединенными группами. В целом, периоды объединения не обязательно проходят под знаком сокращения международных войн. Так было в Риме, но это состояние оказалось недолговременным. Чтобы не допустить крушения, империи потребовалось все чаще и чаще вести межнациональные и межгрупповые войны.

Все рассуждения Ривса основываются на нескольких ошибочных предпосылках. Первая: “в человеческом обществе свобода является исключительно продуктом государства. Действительно, она не мыслима вне государства...

Практика показывает, что на протяжении всей нашей истории существовал только один единственный способ, с помощью которого можно было достичь этого идеала. Это — закон. Человеческая свобода *сотворена* законом”⁴.

Если мы примем это положение, мы должны будем констатировать, что в течение тысячелетий человечество существовало без всякой свободы, т. к. государство, как особая группа, в человеческой истории появилось сравнительно поздно; что в течение этого периода все племена и кланы пребывали в непрекращающейся *bellum omnium contra omnes*⁵, и члены каждого племени были постоянно заинтересованы в кровопролитиях и грабеже друг друга; что у человека не было ни моральных, ни правовых норм, коль скоро они *создаются только государством* и т. д. Ривс прямо утверждает, что не существует свободы (или закона) в джунглях, на догосударственной стадии развития человечества.

Было бы излишним доказывать, что все эти утверждения как фактически, так и логически совершенно лишены смысла. Огромный массив этнографических и антропологических фактов показывает, что практически все примитивные племена имели свои нормы права и что эти нормы функционировали, вполне успешно контролируя человеческое поведение. Далее, они демонстрируют, что закон не создается государством, а существует задолго до того, как оно возникает, и даже оказываются необходимой предпосылкой для его появления; что межплеменные и внутриплеменные (или гражданские) войны никогда не были более частыми или более разрушительными, чем межгосударственные и гражданские, появившиеся с момента возникновения государства. В связи с этим можно отметить, что из 403 дописьменных народов, изученных Гобхаузом, Вилером и Гинзбергом, было обнаружено только два племени, в истории которых совершенно не было войн. Эти племена, как оказалось, находились на самом “низком” уровне развития “цивилизации”, состояли из примитивных охотников и собирателей даров природы, заметно отличаясь от “более развитых” пастушеских и сельскохозяйственных племен⁶.

Кроме того, не все законы, установленные государством, порождают свободу или увеличивают ее степень. Большая часть государственных законов, особенно в тиранических, монархических, автократических и тоталитарных государствах, приводила к уменьшению свободы и даже к рабству или крепостничеству. Мы не должны забы-

вать, что рабство и крепостничество часто вводились и всегда санкционировались, поддерживались и укреплялись государственными законами. И если такие законы обеспечивали свободу хозяевам, то для широких масс рабов, крепостных, несвободных и полусвободных, лишенных гражданских прав, они означали потерю свободы.

Нет смысла доказывать эти банальные истины, хорошо известные любому компетентному антропологу, социологу или историку, для того, чтобы обнаружить ошибочность утверждений Ривса. Столь же несостоятельной оказывается его концепция разделения людей на группы. Прямо или косвенно он утверждает, что среди различных групп, на которые подразделяется человечество — расовых, половых, возрастных, родственных, национальных (или языковых), территориальных, религиозных, политических, экономических и профессиональных, — государственная группа занимает главное место, она первостепенна и суверенна. Это — наиболее могущественная группа, она контролирует все остальные, создает все законы, защищает свободу, которой полностью владеет, и неизменно служит только полезным целям. Следовательно, Ривс абсолютно убежден в том, что только национальный суверенитет отдельных государств является препятствием для уничтожения войн, и создав единое мировое государство, человечество сможет наслаждаться долгожданным миром.

Этот традиционный взгляд на социальную дифференциацию и идея превосходства государственной над негосударственными группами совершенно неверны. Факты показывают, что государственная группа — лишь одна из множества других групп, что она появилась в человеческой истории относительно поздно, что закон порождается любой из групп, часто без ведома и одобрения со стороны государства; что государство не является ни *de facto*, ни даже *de jure* единственной суверенной группой (к примеру, средневековая христианская церковь в сравнении со средневековым государством обладала большей независимостью и даже осуществляла верховную власть над ним) и т. п.

Учитывая все эти причины, если бы мы даже добились успеха в объединении всех народов и действительно создали единое мировое государство, мы не добились бы прекращения войн среди негосударственных групп, между ними и мировым государством, между разнородными частями самого мирового государства. Законы, утвержденные таким мировым государством, были бы эффективны толь-

ко в том случае, если бы они поддерживались всеми негосударственными группами, в противном случае они не обладали бы никакой контролирующей силой.

В целом, указанные факты наглядно демонстрируют, почему установление мирового правительства и устранение государственного суверенитета отдельных стран не могут никоим образом ни уничтожить, ни даже просто сократить количество войн, и тем самым привести к желаемому результату.

Если ни демократия, ни Объединенные Нации, ни мировое правительство не оказываются подходящими средствами, еще менее подходят другие предложения политического характера, гораздо более узкие и еще менее радикальные, типа установления той или иной специфической разновидности демократического режима, устранения права вето в ООН или уравнивания в ней больших и малых держав и т. п.

Можно только сожалеть, что на такие, абсолютно ничего не значащие, несущественные детали тратится масса усилий, времени и средств. Сосредоточенность на мелочах и неспособность обратиться к решению более весомых проблем выдает наличие полнейшей путаницы как в общественном мнении, так и в сознании лидеров.

Перевод Н.И. Сербенко

Примечания

- ¹ На русском языке этот раздел публикуется впервые. Перевод сделан нами с шестого издания книги: *Sorokin P.A. Reconstruction of Humanity. Bombay, 1958.*
- ² Более подробный анализ всех войн в истории Греции, Рима, западноевропейских стран от 600 г. до н. э. до 1925 г. см. в книге: *Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics. New York, 1937. Vol. III. P. 348–352.*
- ³ *Pax Romana* (лат.) – “Римский мир”, мир под властью Рима.
- ⁴ *Reves E. The Anatomy of Peace. New York, 1945. P. 66.*
- ⁵ *bellum omnium contra omnes* (лат.) – “война всех против всех”.
- ⁶ *Hobhouse L., Wheeler G. and Ginsberg M. The Material Culture and Social Institutions of the Simpler Peoples. London, 1915.*